

ФРАГМЕНТЫ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

В.Я. Лакшин — академик, председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН, доктор филологических наук, писатель, журналист, театральный деятель, критик, главный редактор журнала «Иностранная литература». С именем Владимира Яковлевича Лакшина связаны лучшие годы журнала «Новый мир», когда под руководством А. Твардовского он был центром демократических и нравственных устремлений общества. Событием духовной жизни становились литературоведческие труды В. Лакшина, посвященные Островскому, Чехову, Толстому, Булгакову... Никого не оставляли равнодушными телевизионные фильмы и передачи, такая как «Путешествие к Чехову» и другие.

Скончался В.Я. Лакшин в возрасте 60 лет 26 июля 1993 года от сердечного приступа в своей московской квартире.

С коллективом Липецкого государственного академического театра драмы имени Л.Н. Толстого Лакшина связывала большая творческая дружба. Он был постоянным участником «Мелиховских весен», учрежденным театром в 1982 году, являлся одним из создателей широко известных сегодня в нашей стране и за ее пределами научно-практических конференций, известных под названием «Международные Липецкие театральные встречи».

Владимир ПАХОМОВ

СЛОВО О ВЕЛИКОМ ГРАЖДДАНИНЕ

Сегодня об этом человеке можно говорить во весь голос — жизненный путь его завершен, черта подведена. Можно не бояться громких оценок, потому что Владимир Яковлевич этого не услышит, не запротестует, как истинный интеллигент.

Лакшин вошел в мою жизнь и в жизнь нашего театра в Таганроге, на родине А.П. Чехова. Каждые пять лет там проходят международные Чеховские чтения и фестивали, в котором участвует ряд театров. Первая поездка липецкого театра (еще без всяких званий и регалий) на этот фестиваль состоялась в 1983 году. Мы привезли тогда «Дядю Ваню»...

Играть пьесу Чехова на его родине да еще в театре мемориальном, было невероятно волнительно. К тому же в присутствии «могучей кучки выдающихся наших критиков: Владимира Лакшина, Константина Щербакова, Татьяны Шах-Азизовой, Алевтины Кузичевой, Марьяны Строевой»...

Перед спектаклем мы всю ночь монтировали декорации, репетировали, днем играли и, конечно, вымотались и морально, и физически. Где-то около полуночи нас, едва живых, жюри фестиваля пригласило на разбор спектакля.

Рядом со мной сидел Владимир Александрович Макушенко — москвич, наш главный художник. Человек он творческий, но очень не любит общаться с журналистами и критиками. За свою жизнь он не дал ни одного интервью радио, телевидению или газете. Не любит Макушенко и слушать, когда разбирают спектакль. Вот и на этот раз он откровенно... дремал. Но вдруг толкнул меня, когда объявили, что сейчас выступит доктор филологических наук Лакшин. Макушенко предупредил меня:

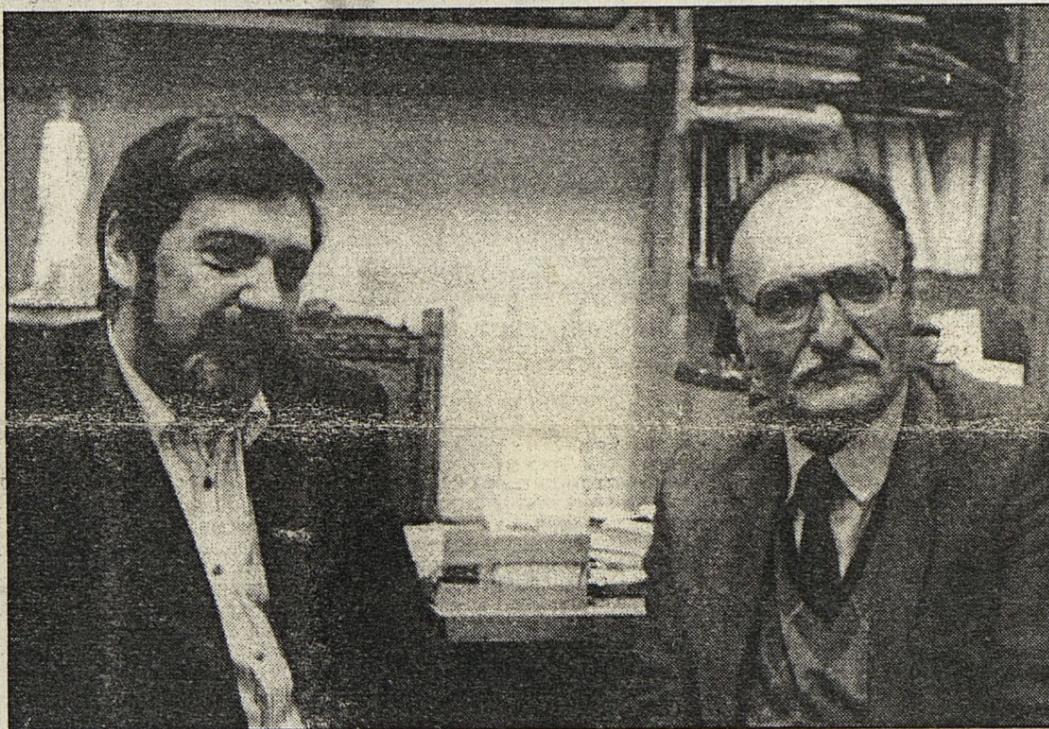
— Этот человек говорит только правду, и все, что он о нас скажет, — того мы и стоим...

И Владимир Яковлевич, сидя в кресле и опираясь на палочку, начал говорить своим необыкновенным бархатным голосом. Прошло уже много лет, но я помню его выступление почти наизусть. А сказал он следующее:

— Даже если бы я не знал, что этот театр ежегодно приезжает в Мелихово, систематически и упорно ищет ключи и подходы к Чехову, я бы все равно обнаружил это во время спектакля. Потому что в глазах актеров, в самой интонации постановки есть нечто большее. За этим стоит глубокое осмысление и знание предмета. Этот спектакль ни одной своей минутой действия не вызвал во мне каких-либо возражений, несогласия. Я больше вам скажу: мне кажется, что это и есть подлинный Чехов!

После таких слов мои артисты встрепенулись. И не только потому, что прозвучала высочайшая оценка. Это был очень высоко-профессиональный и необыкновенно точный анализ — без патетики, позы.

На мой взгляд, в ораторском искусстве, помимо содержания речи, важны еще три компонента: глаза человека, тембр его голоса и руки. Тембр голоса несет в себе определенную звуковую волну, глаза отражают душу, а руки, как ни странно, передают энергетический

На фото: В. М. Пахомов и В. Я. Лакшин.

настрой. Владимир Яковлевич владел всем этим в совершенстве: удивительный голос, очень выразительные глаза и руки, точные, сдержанные, даже скупые, жесты...

Определение В.Я. Лакшиным нашей постановки как «удивительно чеховского спектакля» дало огромной силы заряд и толчок для дальнейшего творчества. Вернувшись в Липецк, мы решили срочно поставить прозу Чехова. Как ставить — уже знали: сохраним лирический и повествовательный авторский текст. Потому что там, где Чехов хотел писать диалогами, он писал пьесу, а в прозе, хотя она очень драматургична, отсутствие авторского текста разрушает музыку произведения. Попробуйте у Чайковского изъять музыкальную фразу или оставить только то, что вы считаете главным или важным. Это же будет просто какофония! Нельзя этого делать и с Чеховым.

Нас часто обвиняли, особенно многие молодые критики, в том, что очень похожи на литературный театр, копируем многие приемы радиотеатра. Так вот, по поводу радиотеатра. Когда мы записывали на «Радио России» передачу-спектакль «Таланты и поклонники» Островского, с нами работала очень опытный специалист, режиссер Вера Малышева. Она не разрешала актерам сидеть или «стоять столбом» у микрофона. Наоборот, просила играть весь спектакль в мизансценах, в движении, в действии... Потому что радиотеатр — это не статическое прочтение, это особый жанр искусства.

Мы привезли в Ялту «Даму с собачкой» и «Дом с мезонином». Там собралось много молодых критиков. В своей труппе мы их прозвали «патлатые»: они поголовно носили длинные волосы, были почему-то очень сердитые и с яростью набросились на наш те-

выдающуюся черту этого человека, которую я очень ценю в людях, стараюсь, по мере возможности, культивировать и в себе: он никогда не утверждал, что изрекает истину в последней инстанции, что его слово — судейское слово, решающее. Он был в этом смысле очень ранимый и, более того, как и многие русские интеллигенты, сомневающийся в себе человек.

Как сейчас помню, стояли мы во дворе Таганрогского театра. Мы показали спектакль по рассказам Чехова «Пишу на тему о любви» («Дама с собачкой», «Дом с мезонином»). Здесь нас критика приняла теплее. Наверное, мы что-то изменили к лучшему, и Владимир Яковлевич, сделавший нам ранее

говоря о своей работе, о возрождении творчества Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева. И если зал взрывается аплодисментами, это яркое свидетельство того, что у людей большая потребность вернуться к подлинному искусству. Они не верят тем, кто сейчас заявляет, что в 20-м веке в России не было литературы, искусства и культуры, а было тоталитарное обслуживание режима. Неправда, все это было!

В фильме «Репетиции одного спектакля, или версии Владимира Пахомова», показанном на Российском телевидении, было небольшое интервью с Лакшиным, в котором он сформулировал, уходя из жизни (через год его не стало), программу нашего театра. Он сказал: «Только те театры имеют и будут иметь долгую счастливую творческую жизнь, у которых есть очень большая художественная и человеческая идея. Пахомов пришел в театр с большой, серьезной творческой идеей и сказал своим артистам, что мы с вами должны постичь драматургию Чехова, ибо это ключ к пониманию русской драматургии и русской литературы вообще. Через постижение драматургии Чехова мы должны будем понять душу русского человека. Через душу русского человека мы должны будем понять душу русской литературы. А поняв душу русской литературы, мы с вами постараемся понять весь мир, то есть мировую драматургию, мировую литературу. Тут и Шекспир, тут и Мольер. И нет числа выдающимся мировым деятелям драматургии и литературы...»

Сегодня мы постепенно перешли к осуществлению этой идеи. На нашей сцене появились Мольер и Пиранделло, Лорка и Ибсен. В ближайшее время, надеемся, появится и Шекспир. Не могу сказать, что уже мы постигли Чехова или душу русской литературы. Но этапов, намеченных Лакшиным, мне хватит до конца жизни. Потому что выход на мировую культуру через Чехова, через русскую культуру — это уже космические размеры.

Так было не только с нами, так было и с журналистами, в которых Владимир Яковлевич работал («Новый мир», «Знамя»). Наконец, он пришел и к мировой литературе — в редакцию журнала «Иностранная литература». Многих, и меня в том числе, тогда это разочаровало и удивило: известный знаток творчества Островского, Толстого, Чехова, Булгакова, причем знаток совершенный, и вдруг как бы откачивается от этого наследия и начинает заниматься современной зарубежной литературой... Сейчас я понял, что это был точно продуманный и выстроенный путь через русскую культуру — в культуру мировую. Это совпадение курса, по которому он вел свои корабли, а мы пытались вести свой корабль.

Смерть Владимира Яковлевича меня потрясла. Я в тот год сам очень тяжело болел. Как-то пришел к одному известному врачу, он стал ко мне подключать всякие датчики.

— Что с вами? — спросил он. — Вы, наверное, на днях испытали какой-то жуткий стресс? Что произошло?

— Две недели назад умер один из самых близких моих людей.

— Отец?..

Нет, отца я похоронил в 1985 году. Умер человек, после смерти которого я почувствовал себя беззащитным. Месяца три-четыре после этого я словно жил в каком-то доме, стены которого разрушились. А я стою голый на морозе...

В заключение уместно будет вспомнить эпизод, о котором часто рассказывал Владимир Яковлевич Лакшин. Когда А.П. Чехов узнал, что тяжело заболел воспалением легких уже в пожилом возрасте Л.Н. Толстой, он тут же навещал его. А вернувшись, говорил домашним и друзьям о том, что не представляет дальнейшую судьбу русской литературы и всех нас, если уйдет из жизни Толстой. Пока он есть, пока он жив и находится как бы среди нас, уровень высоты русской литературы, уровень ее нравственности, ее гражданственности и культуры обеспечен.

Не боясь высоких сравнений, мне кажется, что все это можно перенести на личность Лакшина. Хотя и говорят, что незаменимых людей нет, но это ложь. Есть незаменимые люди. Наверное, их не так много, но один из них — Владимир Яковлевич.